

Иван Дерево

**ГРУШНИК. ИЗ
2026-ГО В
1941-Й**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Дерево

ГРУшник. Из 2026-го в 1941-й

<https://litres.ru/73454229>

SelfPub; 2026

Аннотация

2026 год. Восточная граница России. Антон, 22-летний программист из МГУ, за плечами которого 10 лет единоборств и служба в ГРУ, остаётся прикрывать отход своей группы в бою с боевиками. Уходя от погони, он подрывается на mine — старой, ржавой, времён Второй мировой.

1941 год. 28 июня. Западная граница СССР. Антон приходит в себя в тумане, под разрывами мин и стрельбой. Рядом — убитый красноармеец с документами на имя младшего лейтенанта Громова. Вокруг — хаос отступления и четверо пацанов-добровольцев, которые примут его за своего.

У него нет оружия будущего. Нет связи. Нет выбора. Только навыки, которые дала ему подготовка в ГРУ, и знание истории, которое теперь становится смертельно опасным.

Штрафбат, рукопашные в застройке, допросы НКВД, встреча с женщиной, которая изменит всё, разведшкола, Сталинград — он пройдёт через ад войны, чтобы однажды снова оказаться в лесу, где всё началось.

Но вернётся ли он домой?

Время не лечит. Оно проверяет на прочность.

Содержание

ГРУшник. Из 2026-го в 41-й	4
Роман	4
Автор: [Иван Дерево]	4
Глава 1. Точка невозврата	5
Глава 2. Дорога	8
Глава 3. Тревога	13
Глава 4. Второй бой	17
За день до...	17
Ночь. Тревога	19
Школа	21
Заход	22
Ад	23
Один	24
1941 год. 28 июня. Западная граница СССР.	26
Глава 5. Свои	28
Глава 6. Выход к своим	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

ГРУшник. Из 2026-го в 1941-й

ГРУшник. Из 2026-го в 41-й

Роман

Автор: [Иван Дерево]

Время не лечит. Оно проверяет на прочность.

2026 год. Восточная граница России. Бой с исламскими боевиками, засада в школе, отход через лес – и взрыв на мне, которой здесь не место.

1941 год. Западная граница СССР. Туман, разрывы мин, бегущие красноармейцы и четверо пацанов-добровольцев, которые станут ему братьями.

Между этими датами – четыре года ада, потерянных друзей, любовь к женщине, которой не должно было быть, и война, где каждый день – последний.

Антон не знает, зачем судьба бросила его в прошлое. Но знает одно: он вернётся. И навыки, полученные в этом аду, пригодятся там, откуда он пришёл.

Глава 1. Точка невозврата

Мне 22 года. Заканчиваю МГУ на программиста. С виду обычный человек, но за спиной 10 лет единоборств и детство, которое прошло возле зоны боевых действий.

Жил я в городе Прохладный – это в Кабардино-Балкарской республике. Потом в 16 лет уехал в Москву, там доучился и поступил в МГУ. Учился хорошо, получил диплом, месяц поработал... и получил травму. Пока сидел две недели на больничном, жизнь пошла не туда. Начал играть по 9 часов в день, делать ставки, проигрывать зарплату. Потом выпивка. И вот через полгода после окончания МГУ я посмотрел на себя и охренел.

Надо что-то делать.

Выбежал на турник. Начал подтягиваться: 50 раз, 100 раз, 150 раз. Всё, надо работать.

Неделю спустя... Опять ставки. Опять выпивка с «друзьями» в кавычках.

Иду домой ночью. Компания молодых шакалят прёт на меня, что-то кричат. Я вместо того чтобы просто уйти – посылаю их на три буквы. Драка. Пацаны оказались крепкие, видно тоже занимались. Но я вышел победителем. Сказали – накатают заяву. Прилетит в ответ.

Пришёл домой. Травмы несерьёзные, так пара гематом. Накатил горечительного и спать.

Утро. Смотрю на себя – и чувство какого-то просветления. В квартире повсюду мусор от чипсов, бутылки, тарелки. Я заросший, набравший 2 кило. Но почему-то мысли очистились. В голове легко. Солнечный день.

Я выкидываю всё. Умываюсь. Выхожу на улицу. Радуюсь. День проходит хорошо. Но весь день понимаю: это всё в никуда. Работа не привлекает, пьянки – тоже. Всё не то. Жизнь идёт, драйва нет.

Под вечер опять становится плохо. День прошёл пускай и хороший, но ничего не поменялось.

Сажу вечером. Горит экран ПК, включён телек, а я уже не смотрю. Просто сажу и смотрю в стену.

И вдруг – воспоминания из детства. Как я хотел стать военным.

И тут мысль: а ведь это неплохо. Форма, физо, оружие – всё то, что я люблю. Все сидят за ПК, а я катаюсь на БТР. А возможно, и выполняю задачи. Терять мне нечего. Друзей нет. Родители больше заняты работой, да и не видимся почти. Девушки нет.

Мысль не выходила до ночи. Но мог я уехать служить только с утра. Попытался заснуть – получилось только под утро.

Подъём в 8 утра. Звонок дядьке. Он служит в спецназе Росгвардии.

– Дядь, есть какие-то предложения?

– А ты куда хочешь?

Я задумываюсь. В мотострелки не хочу, скучно. На вскидку говорю:

– Спецназ ГРУ.

Он затихает.

– А ты хоть срочку служил?

– ВУЦ МГУ.

– Физо как?

– Отлично.

Он говорит: перезвоню.

День не знал, чем себя занять. Всё убрал, отжался раз 300, только и проверял смс и сообщения.

Звонок в 15:00.

– Подъезжай к военкомату, заберут. Я договорился. Спасибо, дядь.

– Ты ещё там охренеешь, но забирать я тебя не буду.

Приехал к 16:00. Комиссия ускоренная, по блату. Сдал нормативы в ГРУ. Прощёл.

К 18:00 за нами приехал транспорт. Потом на поезд – и за тысячу километров на восточную границу.

Глава 2. Дорога

Едем в военном КАМАЗе. Нас 8 человек. Знакомлюсь с ними. Едем, болтаем обо всём, но мне с ними не особо интересно – так, поговорить пока едем.

Поезд. Ехать два дня.

– Жаль, что не на самолёте, – говорю я.

Все поржали.

Пока присматриваюсь. Ни с кем не говорю и ни о чём не думаю.

Два дня прошли. Выходим из поезда – снова на КАМАЗе до места службы.

Я ожидал казарму обычную: забор с колючкой, блокпосты, флаги. А мы едем по каким-то пустырям, проезжаем заброшенные постройки. Едем ещё час. Завозят в какие-то леса.

Я смотрю на это – аж дыхание останавливается.

Выходим. Построение. Речь командира. Распределение по группам. Вход в казармы.

Здания небольшие, территория огромная, но здания большие здесь и не нужны. Нас тут человек 50, не больше. Зато тут не лагерь подготовки, а какой-то институт изучения всего, что связано с силовыми и боевыми действиями.

В казарме распределились по койкам. Прошёл час – стоим смирно. Потом бег. Не думал, что он будет в первый день.

Бежали километров 5. Непривычно, держусь, хоть и дышу уже ртом.

По слухам, перешёптываясь, говорят, что здесь бегают по 10 км каждый день.

Командир услышал, подходит и говорит:

– 10 км? Кто тебе такое сказал? **ДВАДЦАТЬ КИЛОМЕТРОВ.**

Тут я прифигел.

Дальше – 200 отжиманий. Не за раз, конечно, но руки забились. Дальше раздали АК сразу же – так как все тут уже с присягой. Начали разбирать, собирать, вскидывать, ползти с АК, целиться лёжа, сидя. С АК метал учебные гранаты с разных положений. И даже успели понаматывать друг другу жгуты.

На этом день наш был закончен. Все уставшие отправились на отбой.

День 2.

Подъём в 6 утра. Бег 15 км – не 20, как говорил командир, но легче не стало. К слову, бежали мы по лесам, попутно кувыркаясь, ползя и совершая многие другие изматывающие упражнения. Потом турник, потом брусья, отжимания, приседания, пресс. Потом спарринги – 5 раундов. Тут я был одним из лучших, но не единственным – тут все спортсмены.

Дальше тактические действия: штурм окопов, зачистка зданий, бой в лесополосе. Потом изучение сапёрного дела и топографии.

В 16:00 задание: нас поделили на 4 человека и сказали пройти и заминировать проход. Тут я и познакомился с Ильёй. Ему 23 года, позывной Гвоздь, из Питера, весёлый. С ним мы разобрались с установкой мины, пока другие нас прикрывали. Выполнили задание, как и все.

С Ильёй мы начали общаться.

Прошла неделя. Уже более-менее освоились. К физнагрузке не привыкли, но привыкли к тому, что она есть.

На новом учебном задании познакомился с Малым. Зовут Лёша, 20 лет. А потом в нашу группу влился ещё и Костя. Мы часто стояли в паре на спаррингах, а потом он нас прикрыл от командира. Итог: пока нас четверо. Я взял позывной Химик.

Спустя месяц к физо привыкли, освоили на базовом уровне тактику, подрывное дело, топографию, управление БПЛА. Сегодня, кстати, будут новые тренировки.

В нашу группу влились ещё двое: Вадим Сергеевич и Максим Андреевич. Они старше нас лет на 10, прошли несколько войн.

Сегодня занятия по БПЛА – новые технологии, сказал я. Потом в 18:00 занятия по ножевому бою, снятию часовых.

– Зачем нам всё это старьё? – сказал я. – Никто сейчас не ходит в ножи, никто не ищет врага по картам.

За это я получил 50 отжиманий на кулаках и подзатыльник. Тогда я ещё не знал, что это спасёт мне жизнь.

Прошли ещё 3 месяца. Мы многое освоили: огромный

настрел из всех видов оружия, можем управлять различными дронами, артиллерией, техникой. Стрелять, бить, резать, подрывать, лечить и ещё много чего. Устраивать диверсии и следить – основной наш профиль. Но война всегда меняется.

Вот наш 5 месяц, 10 день. Тут ни о чём не жалею и даже немного рвусь в бой. Только вот война на Украине закончилась, новые где-то идут, но туда нас не приглашают. За такие размышления получаю от Вадима Сергеевича подзатыльник. Он прошёл многие войны, в армии он с 18 лет, сейчас ему 32. Побывал на КТО в Чечне, в Сирии, в Африке, на СВО и ещё где-то, где не говорит – тайна.

В целом служба тут сложная, но весёлая. Командир врывается ночью в казарму и стреляет холостыми. Вечные спарринги утомляют, но тоже весело. Постоянные тренировки сложнее, чем, наверное, реальная война.

Сегодня мы идём в марш-бросок в полной выкладке на 70 км. По пути будут вечные боевые тренировочные задания, упражнения.

1 день: вышли, бежали, ползли, форсировали реку, минировали и проходили мины.

2 день: по нам работали дроны, снайперы, арта.

3 день: мы устроили засаду.

4 день: дошли до моста и заминировали его.

5 день: дошли до имитационного лагеря и следили за ним.

6 день: передали координаты, установили растяжки и ушли.

К вечеру 7 дня мы вернулись измотанными. Всего 70 км, но идя по каким-то оврагам ползком или на коленях, прощупывая землю шупом, чтобы не встать на мину – это сложно.

После этого марш-броска нам был положен отдых в 2 дня. Естественно, в казарме, да и идти нам некуда. Встретились днём всемером, гоняли чай, шутили, играли на гитаре, читали книги. Как же это было прекрасно. За всю жизнь я себя не чувствовал так хорошо.

Вечер. Звёзды. Я долго на них смотрел.

2 день отдыха прошёл обыденно. Все просто лежали, ходили туда-сюда, не зная чем заняться. Да и никто ничем не хотел заниматься.

Глава 3. Тревога

Ночь. 4 утра. Все спят.

Боевая тревога.

Мы снаряжаемся, выбегаем на улицу, строимся. Нас всех заводят в штаб. Выяснилось, что в соседних странах ещё 3 месяца назад начались восстания исламистов, гражданские войны, теракты и другие ужасные события – за новостями мы не следили.

Нам говорят, что пограничниками было пресечено уже 3 попытки прорыва боевиков. Скоро война может прийти и к нам. Да и нельзя держать у себя под носом огромную армию боевиков.

Я стою спросонья ночью на морозе. По телу хорошо – прохлада. В душе смешанные чувства: небольшой шок, немного адреналина, непонимание что будет, но и азарт, естественно, есть.

В 5 часов кто-то прилетал к нам на вертушке. Что говорили – не знаем.

В 5:30 мы снова в штабе. 3 группы вышли, одна из них – мы. В 7 утра. Я рад, что мы вместе.

Задача: уничтожить мост в соседней стране близ границы, чтобы у боевиков не было логистики.

Сбор оружия, снаряжения, карты, дроны – всё берём. Нас будут корректировать. Выходим с взрывчаткой. Идти 30 км,

но без изматывающих заданий, как на учебном марш-броске – дойдём быстрее. Плюс боевики в этом хаосе не успели поставить мины, война там только началась.

Пришли мы к 17:00. Пришлось идти обходными путями, долго стоять на месте. К 16:00 пришли, но долго наблюдали.

В 17:20 взрывчатка заложена. Подрыв.

Я смотрю на это – дух захватывает. Я, вчерашний тунец, сегодня на войне подрываю мост.

Пошли обходными путями. К восьми часам вечера мы наткнулись на лагерь боевиков. Причём случайно. Слава богу, нас не заметили – они были в 100, может, 50 метрах.

Мы легли. Нам сказали наблюдать.

Прошёл час. Приказ: перестрелять всех, одного взять в плен живым.

Мы подошли. Двоих сняли ножом. Нас услышали. 6 боевиков превратились в небоевиков всего за 3 минуты. Одного ранили, один сам сдался.

Мы связали того, кто сдался. Подошли к раненому – звук сброса чеки. Решил подорвать себя. Мы отбежали – никто не пострадал.

Взяли пленного и дошли до границы нашей страны. Там нас забрали только ночью.

В расположении части я осознал, что произошло. Начались военные действия. Неофициальные. Мы уничтожили мост и 9 боевиков. Одного взяли в плен. Одного я снял с ножа.

Это был не шок. А какое-то удивление.

Потом нас погрузили в КАМАЗ и повезли. Ехали долго, тряслись по разбитым дорогам. В кузове было темно, холодно, пахло потом, порохом и бензином. Никто не разговаривал – каждый переваривал своё.

Я сидел, прислонившись спиной к борту, и смотрел на тени деревьев, проплывающие мимо. Рядом дремал Гвоздь, Малой тихо матерился сквозь зубы – у него разболелась старая травма плеча. Костя крутил в пальцах пустую гильзу.

Через час нас пересадили в поезд. Теплушка, нары, буржуйка. Кто-то сразу завалился спать, кто-то достал сухпай. Я вышел в тамбур покурить, хотя не курил уже полгода. Просто хотелось глотнуть холодного воздуха.

За окном мелькали столбы, полустанки, тёмные леса. Где-то там, в этой темноте, остался тот лагерь. Те 6 боевиков, которые теперь не проснутся. И один, который сидит сейчас, наверное, на допросе и рассказывает всё, что знает.

Я не чувствовал ничего. Ни гордости, ни вины. Просто усталость и странное спокойствие.

– Химик, иди спать, – сказал подошедший Вадим Сергеевич. – Завтра будет долгий день.

– А послезавтра? – спросил я.

– И послезавтра тоже. Привыкай.

Я затушил бычок, зашёл в теплушку и забрался на нары. Сверху на меня глядел Малой.

– Слышь, Химик, – шепнул он. – А ты не боялся? Ну, ко-

гда в того нож воткнул?

Я помолчал.

– Боялся. Но не тогда. Потом.

– И что теперь?

– Теперь спать. Завтра узнаем.

Малой кивнул и отвернулся к стене. Через минуту он уже дышал ровно.

Я закрыл глаза. Поезд стучал колёсами, унося нас всё дальше от границы. Впереди была часть, доклады, новые приказы. И maybe – новая война.

Но это будет завтра.

А сегодня – просто ночь, стук колёс и тишина.

Глава 4. Второй бой

За день до...

После того задания с мостом и зачистки лагеря нас не трогали дня три. Просто отдых, баня, сон. Кто-то писал письма, кто-то тупо пялился в потолок. Я сидел с пацанами в казарме, пили чай, травили байки.

– Химик, а ты до армии чем занимался? – спросил Малой, жуя сухарь.

– Программистом. В МГУ учился.

– Чего? – Гвоздь аж поперхнулся. – Ты серьёзно? И как ты оттуда сюда попал?

– Долгая история, – усмехнулся я.

– А мы никуда не спешим, – подал голос Костя.

Я пожал плечами и рассказал. Про ставки, про бухло, про стену, в которую смотрел. Про дядьку. Про то, как просто взял и поехал.

– Жсть, – сказал Малой. – А я с завода. Литейный цех. Там такая духота, что хоть топор вешай. Решил: лучше уж тут, чем там.

– А я из Питера, – Гвоздь откинулся на койку. – Учился на архитектора, потом понял, что не моё. Пошёл в армию, как-то закрутилось.

– А ты, Костя? – спросил я.

Костя помолчал.

– Из детдома я. Там научили за себя стоять. А дальше сам.

Мы замолчали. Каждый думал о своём.

Вадим Сергеевич сидел в углу и чистил автомат. Он вообще редко вступал в разговоры, но сегодня почему-то сказал:

– Вы, пацаны, запомните. Тут главное – не геройство. Тут главное – вернуться. Все вместе.

Мы переглянулись. Никто не ответил.

Ночь. Тревога

Всё повторилось. Сирена, сбор, бегом в штаб. Только теперь было по-другому. Не как в первый раз. Никто не шутил, не перешёптывался. Все уже знали, что это не учения.

– Задача, – командир развернул карту. – В городе Н-ск, в 40 километрах от границы, засел главарь банды. Школа. Трёхэтажка. По данным разведки, с ним человек 15-20. Есть информация, что готовят прорыв. Наша группа идёт на зачистку. Работаем ночью, тихо. Вопросы?

– Почему мы? – спросил кто-то.

– Потому что больше никому. И потому что вы лучшие. Вопросы есть? – командир обвёл нас взглядом.

Вопросов не было.

Сбор занял час. Снаряжение, оружие, сухпай, аптечки, гранаты. За плечами – килограммов 30, не меньше. Я проверял автомат и думал: «Школа. Опять школа. Только теперь настоящая».

Погрузились в КАМАЗ. Ехали молча. Гвоздь крутил в руках нож, Малой смотрел в одну точку, Костя перебирал патроны. Я закрыл глаза и вспомнил, как отец учил меня драться. «Главное – не бояться. Страх убивает быстрее пули».

– Приехали, – сказал Вадим Сергеевич.

Мы вышли. Лес. Тишина. Впереди, в полукилометре, угадывались очертания города. Ни огонька. Мёртвый.

Пошли.

Школа

Подошли к окраине. Школа стояла на отшибе, тёмная, с выбитыми окнами. Трёхэтажная коробка, облезлая штука-турка, забор вокруг. Тишина. Даже собаки не лаяли.

Мы залегли в кустах метрах в ста от забора. Время тянулось. Каждая минута – как час. Командир шепотом распределял:

– Значит, так. Гвоздь и Костя – держат левый фланг, сектор – от угла до вон того дерева. Вадим Сергеевич, ты с Малым – правый, прикрываете тыл, если кто сзади подойдёт. Химик, я и Шмель – идём на зачистку. Шмель заходит первый, я за ним, Химик замыкающий. Работаем тихо, без шума. Если что идёт не так – отходим к Гвоздю, он даст коридор.

– Понял, – кивнул я.

– Если нарвёмся на засаду – работаем по обстановке. Главное – не рассредоточиваться далеко. Держим связь.

Шмель уже куда-то исчез – он всегда уходил первым, находил точку, с которой мог работать.

– Ждём сигнала, – сказал командир.

Мы ждали. Я смотрел на школу и пытался угадать, что там внутри. Сколько их. Где сидят. Ждут ли они нас.

Заход

Сигнал пришёл через час. Один короткий щелчок в наушнике – Шмель на позиции.

– Пошли, – командир поднялся.

Мы двинулись. Пересекли пустырь, прижимаясь к забору. Чёрный ход был приоткрыт. Металлическая дверь, ржавая, с облупившейся краской.

– Заходим, – командир толкнул дверь.

Коридор. Темнота, пахнет гарью и сыростью. Идём медленно, шаг за шагом. Автоматы наизготовку. Тишина такая, что уши закладывает.

– Стоп, – командир поднял руку. – Слышите?

Я прислушался. Где-то наверху – шаги. Несколько человек.

– Нас ждут, – прошептал я.

– Отходим? – спросил Малой в рацию.

– Поздно, – командир показал на окна.

Снаружи вспыхнул свет. Прожекторы. Ослепительно белый свет ударил в окна, заливая коридор.

– Засада! – заорал кто-то.

И тут началось.

Ад

Пули застучали по стенам. Стекла брызнули. Сверху, снизу – отовсюду били автоматы.

– На выход! – командир толкнул меня к двери, но оттуда уже летели очереди.

– Прикрывай! – я вскинул автомат и дал длинную очередь в сторону лестницы. Кто-то упал, но их было слишком много.

Малой вскрикнул и схватился за плечо. Кровь хлестала между пальцев.

– Ранен! – крикнул он.

– Тащи его! – заорал Гвоздь, отстреливаясь.

Я рванул Малого за шиворот, утащил за угол. Перетянул жгутом на скорую руку, как учили. Он побелел, но держался.

– Химик, уходим! – голос командира пробивался сквозь грохот.

– Я прикрою! Уводите!

– Ты сдурел?!

– Уводи, я сказал!

Он посмотрел на меня секунду. Кивнул.

– Если не выйдешь – я тебя сам найду и прибую.

И они ушли. А я остался.

Один

Я стрелял, менял магазины, снова стрелял. Боевики залегли, не решались сунуться. Я орал матом, метался от угла к углу, создавал видимость, что нас как минимум взвод.

Потом понял: всё. Патронов на два магазина.

Рванул к окну. Высадил раму плечом, вывалился наружу, перекатился и побежал.

Пули свистели над головой, вгрызались в землю под ногами. Лес был близко. Сто метров. Пятьдесят. Двадцать.

Я влетел в лес как ошпаренный. Бежал, петлял, уходил от погони. Ветки хлестали по лицу, лёгкие горели, ноги подкашивались. За спиной – 30 кг снаряги, адреналин после боя зашкаливал, дыхание выбивалось, но я бежал.

Километр. Второй.

Забегаю за кусты, падаю, жду. Сердце колотится так, что, кажется, его слышно за километр. Тишина. Погоня где-то отстала. Встаю – бегу дальше.

Третий километр. Четвёртый. Я сбился со счёта.

Река. Я упёрся в реку.

Тишина. Погони не слышно. Я падаю на колени, пытаюсь отдышаться. Секунд 5 просто лежу, смотрю в небо. Лес, небо, тишина. Это было прекрасно. На секунду забыл, где я и что со мной.

Потом встал, отряхнулся, сделал шаг...

Корень. Чёртов корень.

Земля ушла из-под ног. Я покатился кубарем в овраг и замер, лёжа на спине. Посмотрел на ногу – цела. Повернул голову.

Перед самым лицом, в нескольких сантиметрах, из земли торчал ржавый бок.

Мина. Времён Второй мировой. Не наша. Другая.

Я тупо смотрел на неё. И вдруг – улыбнулся. Сквозь усталость, сквозь адреналин, сквозь боль пробилась мысль:

«На современной войне меня достал кусок прошлой великой. Иронично».

Я полежал ещё немного. Секунд 30. Вставать не хотелось. Потом услышал вдалеке крики. Километрах в трёх, не меньше. Время есть.

Посмотрел на водоём. Решил обойти. Снял броник, разгрузку – кину в воду, пусть думают, что я пошёл туда. Затянул потуже пояс, шагнул назад...

Щелчок.

Другая мина.

Я замер. Медленно опустил взгляд. Стою на ней.

Вдохнул. Выдохнул.

Хлопок. Не взрыв – что-то другое. Оглушение. Белый свет ударил со всех сторон, разрывая реальность на куски.

Последнее, что я услышал – собственный голос:

– Вот сука...

1941 год. 28 июня. Западная граница СССР.

Тишина.

Я открыл глаза. Надо мной – туман. Холодно. Где-то рядом разрывы. Люди бегут, кричат. Земля, грязь, холмы.

Я сел. Голова гудит, в ушах звенит. Где я?

Смотрю влево. Рядом лежит человек. В красноармейской форме. Не шевелится. Мёртвый.

Я машинально залез в карман, достал документы. Красноармейская книжка. Красноармеец Громов Антон. 1920 года рождения. Младший лейтенант. Дата выдачи – 1941. Число? 28 июня 1941 года.

Я в шоке. Перечитываю ещё раз. 28 июня. 1941. Этого не может быть.

Приподнимаюсь на локтях. Сзади топот. На меня выбегает красноармеец с мосинкой наперевес, направляет винтовку.

– Немец! – орёт он.

– Я свой, блять! – ору я в ответ.

Он не понимает. Целится. Глаза бешеные.

Прилетает мина. Мы падаем.

Из тумана выскакивают трою. В мышинной форме. Немцы. Вскидывают винтовки.

Всё. Началось.

Глава 5. Свои

Прилет возле нас. Мы падаем с этим молодым красноармейцем. Лежим, смотрим на немцев. Они на нас. Этот красноармеец уже прощается с жизнью. Я же нет.

Вижу пистолет в двух метрах. Перекат. Пистолет в руке. Выпустил весь магазин – не получилось как в кино, по одному выстрелу. Двоих снял я. Пустой.

Фашист очухался. Теперь я уже прощаюсь с жизнью. Но красноармеец не подвёл – взял мосинку, да и завалил его.

Дальше всё как в тумане. И в прямом, и в переносном смысле. Бой и так шёл в тумане. Отошли. Стрельба была, конечно, мощная.

Отошли назад, заняли какую-то избушку. Сидим в ней. И других в селе каком-то. В нашей избе человек 19. Там Егор – тот, который чуть меня не убил, – и его кореша Серёга, Михал, Саня. Им по 17-19 лет, все пошли добровольцами.

Разговорились, подружились. Спросили, кто я. Сказал – браконьер из-под Орла. Они, конечно, не поверили, и мы это поняли, но все промолчали. Пили чай под звуки рева самолётов. Пересёкся с командиром, вписался в их отряд.

Показал пацанам пару приёмов: удар в кадык, в колено, и ножом как работать. А также уход с линии огня, метание гранат и много приколов полезных. Они с выпученными глазами сидели, смотрели на меня и повторяли.

Часа 4 посёлка, приказов, общения, чаёв, да подготовки к дальнейшим действиям. Вечерело. Рутинка. Потом – кто куда. Мне, конечно же, не спалось. Вызвался на пост с Михой.

Там стояли недолго. Помолчали. А потом разговорились. Он рассказал о детстве в детдоме, о друзьях, о жизни. Пост, так сказать, без больших происшествий прошёл.

Утро наступило быстро. И мы собираемся в штаб. Какой там штаб – просто командирский дом в этом же селе, где штабные карты и рация. Мужики серьёзные, с нами не особо разговаривают, но слушают, что скажут.

Снова бой

Пришли. Сказали, что ситуация дерьмо и что немцы прут: работает арта, авиация, танки. Не успели дослушать доклад – рядом авиабомба. Взрыв. Без потерь, но громко.

Выбежали, расползлись. Только засели – а вдалеке уже виднелся отряд немцев и танки. По нам начали работать со всего, что есть. Мы дали очереди и выстрелы в их сторону и начали отходить. По нам работал самолёт, танки, пулемёты, винтовки, снайпер, артиллерия – конечно же.

Утро по канонам из солнечного превратилось в облачное, начали идти дожди. Мы отступили по лесу, бежали. По нам работали, иногда короткие стычки в лесу – пару выстрелов и снова отход.

Выбежали из леса, а тут река. Что делать? Пошли через

неё. Многие бросили винтовки. Часть прикрывала со стороны леса. Мы начали переправляться через реку. Я потерял двоих своих новоприобретённых друзей – Серёгу и Миху. Но пока плыл, ещё видел Егора и Саню, но они были в стороне. По нам уже начали класть.

Часть перебралась через реку. Мы начали бежать в леса на том берегу. По нам мины стали прилетать. Осколок в руку – похер, бегу дальше. Суматоха, хаос. Куча людей из воды бегут в сторону леса. Бежим по пляжу: спереди дорога, а по бокам густые леса. Кто куда бежит – кто в лес, кто по дороге.

Я вправо, отбежал в лесу метров 300, присел. Немцы уже подкатили танк. Через силу, мокрый, уставший, бегу в лесу. 500 метров, 600, 700 – падаю. Надеюсь, что меня перекинет как в тот раз, к себе обратно. Но хер там. Встал, дальше бежал.

Ночь. Я потерял из виду вообще всех. Шёл без мыслей, смотря под ноги. Просто шёл, уже не знаю сколько. Ещё немного пройдя, вышел к селу. Там наши стояли, но другие наши. Вышел к ним, сказал, что мы разбиты. Выяснил, что рядом тоже наши приходили. Меня отвели в штаб.

Глава 6. Выход к своим

Прибытие в село. Штаб.

Вышел к восьми вечера. Село какое-то, избы, наши. Часовой окликнул, я сказал кто, пропустил. Спросил, где штаб. Ткнул пальцем.

Захожу. В избе темно, окна занавешены, горит коптилка. За столом двое – капитан и лейтенант. Капитан карту карандашом чертит, лейтенант в трубку орёт: «Связи нет, говорю!». В углу мужик в гражданском, но с наганом на поясе – особист, взгляд тяжёлый.

– Ты кто? – капитан поднял голову.

– Красноармеец Громов. Из разбитой группы. Вышли к реке, попали под обстрел, наших потерял. Вышел к вам.

– Откуда идёшь?

– От реки. Километров восемь, может, десять.

– Один?

– Один.

Капитан кивнул лейтенанту, тот вышел. Особист подошёл ближе.

Разговор с особистом.

– Документы.

Я достал красноармейскую книжку – на имя Громова, того, убитого. Он полистал, посмотрел на меня, на бумагу, снова на меня.

– Как в этой мясорубке уцелел?

– Повезло. Немцы танк подогнали, я в лес ушёл. Там темно, они не полезли.

– Повезло, значит, – он усмехнулся, но как-то невесело. – А форма на тебе чья? Не казённая вроде.

Я внутренне напрягся. Форма и правда была та, в которой я пришёл из 2026-го, но за время боёв она так изодралась, перемешалась с красноармейским обмундированием, что уже и не поймёшь.

– Своя. Ещё с довоенной. В ней и призвали.

– Из какой области?

– Орловской. Из-под Орла я. Браконьерил до войны, по лесам шастал. Там форма другая нужна была, чтоб не заметили.

Он хмыкнул, покрутил документ в руках, отдал.

– Браконьер, значит. А дерёшься как надо. Я таких «лесных» насмотрелся уже. Ладно, иди. – повернулся к столу, потом снова глянул. – Ты это... Если ещё раз к реке пойдёшь, головой верти. Там теперь немцы плотно сели.

Я кивнул. Капитан махнул рукой:

– Иди к старшине, скажи – накормить и определить на ночлег. Завтра в строй.

Я вышел. На улице лейтенант курил, кивнул мне: «Живучий ты». Я не ответил. Пошёл искать старшину.

Старшина и ночлег.

Нашёл его быстро. Дядька лет сорока, усталый, в про-

жжённой гимнастёрке. Он глянул на меня мельком, ткнул пальцем в сторону избы через дорогу:

– Там свободные нары есть. Щи в котле, хлеб возьми у повара. Завтра в пять подъём, не проспи.

Я зашёл в избу. Темно, кто-то храпит, кто-то ворочается. Нашёл свободные нары, сел. Есть не хотелось. Сидел, смотрел в стену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.